

Глава 2

Заметив, что юноша чересчур застенчив, Ван Ин не стал больше над ним подтрунивать. Оставив его в покое, он принялся неспешно осматривать комнату.

Обстановка спальни оказалась на редкость простой: кровать с пологом, несколько невысоких деревянных шкафчиков у стены, а возле окна — книжная полка и письменный стол, на котором сиротливо лежало несколько томов.

Книги в деревне считались сокровищем, и юноша, не удержавшись, подошел поближе, чтобы перелистать одну из них. Похоже, это была рукописная копия: на страницах виднелись следы исправлений и кляксы. Читать вертикальные столбцы традиционных иероглифов было непривычно, но, сосредоточившись, он всё же сумел разобрать текст. Это был трактат «Чжунъюн» — одна из книг конфуцианского Четверокнижия.

Чэнь Цинъянь, затихший на кровати, долго не слышал ни звука. Не выдержав, он обернулся и, увидев, что незваный гость трогает его книги, в порыве гнева резко сел.

— Не смей... трогать мои книги! — выкрикнул он и тут же зашелся в мучительном, надсадном кашле, словно пытаясь выплюнуть собственные легкие.

Ван Ин, испугавшись, поспешно отложил книгу и поднес больному чашку с водой.

— Тише, тише, не кипятись. Не буду я больше смотреть, видишь? — успокаивающе проговорил он.

Цинъянь слабым жестом оттолкнул чашку.

— Жениться на тебе... было не моим решением. Сейчас же позову матушку, пусть отправит тебя обратно!

«Ну уж нет! — Ван Ин вовсе не горел желанием возвращаться в тот дом. — Чего доброго, бессердечные родители продадут меня ещё раз»

Прикинув, что юноша и так дышит на ладан, он решил не доводить его до крайности.

«Этот парень и так слаб, — Ван Ин хитро прищурился. — Главное — не довести его до удара, так что лучше пока его умаслить»

— Я уже вошел в твою семью, — жалобно начал он. — Если меня вот так, без объяснений, выставят за порог, кто потом на меня посмотрит? Чем возвращаться с позором, лучше я прямо здесь головой о стену расшибусь!

С этими словами он картинно направился к стене.

Испуганный Цинъянь из последних сил вцепился в его рукав. От этого усилия он весь покрылся испариной, а лицо его стало ещё бледнее.

— Я не хотел... прогонять тебя...

Ван Ин втайне облегченно вздохнул — ставка на сочувствие сработала. Он заботливо помог мужу лечь обратно.

— Раз уж мы стали супругами, мы теперь одна семья. Не считай меня чужаком. Давай так: будем общаться как братья. Я возьму на себя все заботы о твоём быте, идет?

— Что за вздор... Ты же гэ'эр... Как мы можем быть братьями?

— Ты что, презираешь гэ'эров?

— Вовсе нет...

— Вот и договорились! — Ван Ин снова протянул ему чашку.

Цинъянь поколебался, но, видимо, жажда пересилила. Он припал к воде и, не отрываясь, осушил всё содержимое. Затем, густо покраснев, промямлил:

— Позови... дядю Чэня.

— В уборную приспичило?

— ...

— Да чего ты маешься? Если есть ночной горшок, я сам помогу, а потом вынесу.

— Не нужно! Кха-кха... — Лицо больного залилось краской такой густоты, что, казалось, сейчас выступит кровь.

«Где это видано, чтобы гэ'эр вел себя столь бесстыдно и молол что ни попадя?»

— Ладно-ладно, иду уже, — хмыкнул Ван Ин. — Ну и скромник же ты.

Вскоре в комнату вошел Чэнь Цинсун вместе с дядей Чэнем. Тот взвалил больного на спину и понес в сторону надворных построек.

Когда они вернулись, юноша выглядел совершенно изнуренным. Простая нужда едва не стоила ему остатка сил. Неудивительно, что он предпочитал мучиться от жажды, лишь бы лишний раз не тревожить домашних.

Подоткнув одеяло, Ван Ин вышел вслед за остальными.

— Чэнь Цинсун, постой-ка.

— Д-да, невестка... — Мальчик застенчиво опустил голову и принялся ковырять носком туфли землю.

«Невестка? Ну и ну...» — Ван Ин вздрогнул от этого обращения, но сдержал эмоции.

— Расскажи, чем именно болен твой старший брат?

При упоминании брата мальчик разговорился:

— В прошлом году большой брат провалился на уездном экзамене. На обратном пути он попал под сильный дождь и промок до нитки. Как только вернулся — слег с лихорадкой. Сначала он просто кашлял и горел. Жар со временем прошел, но силы стали его покидать. Лекарь выписал уйму лекарств, но ничего не помогало. К этой весне брат и вовсе перестать вставать, всё время лежит.

— Значит, твой брат сдавал экзамены?

Чэнь Цинсун с гордостью кивнул. Его брат считался первым талантом в округе — в четырнадцать лет он уже получил степень гуншэна. Все думали, что в прошлом году он с легкостью станет сюцаем, но неудача подкосила его.

Ван Ин сообразил, в чем дело. Похоже, болезнь юноши подпитывалась глубокой тоской и разочарованием. Если так пойдет и дальше — добром это не кончится.

В прошлой жизни он вырос у дедушки с бабушкой. Когда дед тяжело заболел, Ван Ин долго за ним ухаживал и набрался опыта. То, что Цинъянь почти не ел и не пил, было в корне неверно. Его организм и без того был истощен, а недостаток воды замедлял обмен веществ. Так можно и здорового человека в могилу свести.

Раз уж теперь его жизнь зависела от семьи Чэнь, Ван Ину стоило поставить мужа на ноги. Глядишь, в благодарность за спасение ему выделят пару лишних му земли.

Вернувшись в спальню, он увидел, что Цинъянь закрыл глаза — то ли уснул, то ли просто не желал разговаривать. Ван Ин принялся открывать окна: застоявшийся воздух в комнате только вредил больному. Окна здесь были рамами, оклеенными бумагой, и открывались наружу.

Услышав шорох, Цинъянь приоткрыл глаза.

— Что ты делаешь?

— Проветриваю. В комнате совсем душно стало.

— Лекарь говорил, что мне нельзя быть на сквозняке.

— Меньше слушай всякий вздор. Когда ты в уборную ходил, тебя тоже ветром обдувало, и что, что-то случилось?

Цинъянь промолчал, но его мнение о «супруге» упало ещё ниже. Деревенщина, не знающая ни грамоты, ни приличий... Не стоит и спорить с ним.

Свежий ветерок ворвался в комнату, и дышать стало легче. Сквозь распахнутые створки виднелись зеленые ветви деревьев, а со двора доносился шум свадебного пира. При мысли о том, что эти люди празднуют его свадьбу, Ван Ину стало не по себе. Еще несколько дней назад он был убежденным холостяком, а его главной заботой были всходы на экспериментальном поле. И вот он в другом времени, женат на мужчине ради обряда чунси.

Он ущипнул себя за руку — больно. Нет, это не сон.

Вскоре крики во дворе усилились, переходя в настоящую ссору. Ван Ин бросил взгляд на уснувшего мужа, прикрыл окно и тихо вышел.

В переднем дворе он увидел пьяного мужчину, который сидел прямо на земле и вопил:

— Родители всегда были предвзяты! При разделе имущества все земли отдали старшему брату, а мне — лишь несколько захудалых лавок! Мы теперь концы с концами сводим... Если невестка не поможет деньгами, нам не выжить!

— Да поднимись же ты, второй брат, — с измученным видом уговаривала его госпожа Ли. — Сегодня у Янь'эра такой важный день, не позорь нас.

Слуги пытались поднять мужчину, но тот был слишком грузен. Гости уже начали собираться вокруг, и госпожа Ли от стыда вся покрылась испариной.

Это был не кто иной, как второй дядя Цинъяня — Чэнь Бяо.

В семье Чэнь было четверо детей. Помимо вышедшей замуж третьей сестры, имущество разделили между тремя братьями. Отец Цинъяня, как старший, получил земли и родовое поместье. Чэнь Бяо достались лавки в городе, а четвертому брату, Чэнь Чжаню, выделили больше всего денег. Тот, сдав экзамены на степень цзюйжэня, уехал служить в далекие края и не возвращался уже много лет.

Сначала дела у Чэнь Бяо шли в гору, но его сын пристрастился к азартным играм и за несколько месяцев спустил всё состояние. Из пяти лавок осталась лишь одна, едва позволявшая семье прокормиться.

Оказавшись в нужде, они повадились выпрашивать деньги у старшего брата. Пока тот был жив, Чэнь Бяо не смел наглеть — лишь плакался и выманивал понемногу. Но после смерти главы семьи он принялся бесстыдно обирать вдову и сирот.

Госпожа Ли, будучи женщиной мягкой и робкой, не знала, как дать отпор. Она велела дочери принести денег. Чэнь Цинъюнь в сердцах плюнула и убежала в дом. Чэнь Цинсун заслонил собой мать, с яростью глядя на дядю. Тот лишь ухмылялся, ожидая добычи.

Вскоре Цинъюнь вынесла две связки монет и швырнула их на землю.

— У нас больше ничего нет. Не приходи больше, дядя!

Чэнь Бяо, увидев, что денег мало, снова запричитал:

— Ох, брат мой дорогой! Ушел ты, и некому о младшем позаботиться. Говорят же: старший брат — как отец, а его жена — как мать. А теперь я голодаю, и невестке всё равно! Что мне эти жалкие медяки?

Гости зашептались. Лицо госпожи Ли залило краской стыда. Она потянула дочь за руку:

— Юнь'эр, принеси еще...

— Матушка, у нас правда почти ничего не осталось! В прошлом месяце вы отдали дяде три гуаня, а на свадьбу ушло больше двадцати! Если отдадим последнее — как сами жить будем?

— Но у меня еще осталось приданое...

У Чэнь Бяо при этих словах глаза алчно загорелись.

— Матушка, вы с ума сошли! — воскликнула дочь. — Эти деньги отложены для брата, чтобы он мог продолжать учебу!

— Но... Цинъянь сейчас в таком состоянии, какая уж тут учеба... — тихо возразила госпожа Ли.

Цинъюнь едва не расплакалась от обиды:

— Брату нужны деньги на лекарства! Если отдадим их этим людям — что с нами будет?

Сидящий на земле Чэнь Бяо холодно фыркнул:

— Малявка, да что ты смыслишь? Твой брат уже не жилец, а Саньлан слишком мал. Скоро вся семья будет держаться на мне и моих сыновьях! Живо неси серебро!

Цинъюнь в отчаянии топнула по земле и бросилась к дому.

Второй дядя уже праздновал победу, как вдруг из глубины двора раздался звонкий, насмешливый голос:

— Ха-ха-ха! Ну и зрелище!

Все обернулись. Из дома вышел статный юноша.

— Невестка? — в изумлении воскликнул Чэнь Цинсун.

Госпожа Ли в волнении сжала край одежды.

«Ну и тюфяк же она... — разозлился Ван Ин. — Позволяет этим стервятникам обдирать себя до нитки. Да их самих так скоро со свету сживут»

Он решительно шагнул вперед.

— Ну и ну! Впервые вижу, чтобы взрослый мужчина был настолько бесстыден, что зарился на приданое старшей невестки!